

Имя А. Поппе как историка Руси, русско-польских и русско-византийских отношений хорошо известно советским медиевистам. Десять лет назад появились его первые крупные исследования по истории Киевской Руси, выполненные с большой тщательностью, на основе скрупулезного анализа источников и при хорошем знании литературы вопроса, прежде всего — дореволюционной русской и советской. Тогда А. Поппе интересовали прежде всего проблемы истории юго-западных русских земель и русско-польских отношений X—XII вв.¹

Со временем круг научных интересов польского историка существенно расширился. Не оставая окончательно вопросов истории русско-польских отношений домонгольской эпохи, он перешел и к изучению русско-византийских. Но главной темой его исследований стала история русской церкви X—XI вв. Начиная с 1964 г.² в польской и зарубежной периодике стали появляться его статьи по этой проблематике. Публиковались они и в наших журналах³. Рецензируемая книга как бы подводит итог предшествующим работам А. Поппе в области истории русской церкви и русско-византийских отношений X—XI вв.

Заглавие исследования «Государство и церковь на Руси в XI в.» в действительности шире проблематики, излагаемой автором. Это объясняется в первую очередь тем, что А. Поппе останавливается лишь на сюжетах, которые были проработаны им заново по источникам, и оставляет за рамками книги все те вопросы, которые не были предметом его самостоятельных изысканий. Именно поэтому в его книге читатель не найдет не только интересующего обычно прежде всего зарубежных (в том числе и польских) исследователей материала о попытках латинской миссии добиться успеха на Руси в X в., но и характеристики антилатинских настроений и антилатинской пропаганды киевского духовенства во второй половине XI в. Читатель может, разумеется, только пожалеть о том, что сюжеты эти оказались вне круга исследований автора, тем более что они отнюдь не совсем безразличны для главной проблематики книги, касающейся церковных русско-византийских отношений. Однако само по себе отсутствие интереса к западной проблематике в исследовании по истории древнерусской церкви не может, думается, быть поставлено в упрек автору книги, научная ценность которой определяется, конечно же, главным образом оригинальностью и убедительностью решения тех вопросов, которые в ней поставлены.

Первым таким вопросом является вопрос о правовом статусе русской церкви в конце X — начале XI в., о времени возникновения киевской митрополии как самостоятельной церковной провинции в рамках константинопольского патриархата. Анализируя эту сложную проблему, автор твердо стоит на прочных позициях византийского происхождения христианской церкви на Руси, правильно характеризуя вместе с тем классовый характер предпринятого Владимиром акта христианизации страны. А. Поппе, без всякого сомнения, прав, когда подчеркивает, что решение Владимира принять христианство из Византии имело «насквозь политический характер. Это было одновременно решение зрелое, продиктованное пониманием нарастающей необходимости модернизации государства и общества с помощью идейной консолидации его господствующего слоя и приобретения идеологических средств воздействия на все общество» (стр. 15—16). Спорным, если не в корне неправильным, представляется, однако, следующее суждение автора, с помощью которого он пытается обосновать особую притягательность для русского князя именно византийского пути христианизации: «Господствующий лагерь многоэтнического, несмотря на преобладание славянского субстрата, Древнерусского государства в поисках интеграционных стимулов естественным ходом вещей должен был обратить внимание на многонациональный состав Византийской империи, с успехом удерживающей государственное единство благодаря единству религиозному» (стр. 16). Возражения вызывает тут и характеристика этнических отношений на Руси того времени, подчеркнутая сравнением с положением в действительно многонациональной, объединяющей на самом деле много разнородных народностей Византийской империи, и характеристика самой Руси как многоэтнического политического образования (хотя абсолютно доминирующая роль восточнославянских элементов в Киевской Руси, складывающейся как государство единой древнерусской народности, не подлежит сомнению), и даже термин «славянский субстрат», примененный в данном случае автором. В условиях формирования единой древнерусской народности и широкого процесса славянизации Восточной Европы во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. в качестве этнического субстрата

¹ A. Poppe. Gród Wołyń. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV. Warszawa, 1958.

² A. Poppe. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi. — «Przeg łąd Historyczny», t. LV, 1964. Продолжение этой работы см. там же, t. LVI, 1965.

³ А. В. Поппе. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI в. — ВВ, XXVIII, 1968; его же. Заснування Софії Київської. — «Український Історичний журнал». 1965, № 9.

для части восточного славянства выступали пменно неславянские — финские, балтийские и др. — этнические элементы. Не многонациональность Византии, конечно, а скорее признание византийской церковью других языков (в том числе и славянского) как равноправных при богослужении могло, по-видимому, сыграть определенную роль в выборе киевским князем источника христианизации. Однако именно вопрос о языке богослужения в древнерусской церкви и об источниках древнерусской богослужебной литературы менее всего привлек внимание автора.

Зато главная, рассматриваемая в первой главе книги тема — время возникновения и статус Киевской митрополии — исследована А. Поппе с достаточной полнотой и решена вполне убедительно. На основании тщательного изучения источников (прежде всего составленной ок. 1087 г. при Алексее Комнине *Notitia episcopatum* — списка епископств константинопольского патриархата, а также сообщений арабского историка — христианина Яхьи Антиохийского, Титмара Мерзебургского и «Слова о Законе и благодати» Илариона, киевского митрополита) А. Поппе приходит к выводу, что с момента христианизации при Владимире русская церковь получила четкую организацию: в качестве церковной провинции константинопольского патриархата была основана Киевская (русская) митрополия. Право назначения киевских митрополитов принадлежало патриаршему синоду (эндумесе), который представлял патриарху трех кандидатов. Посвящение избранного митрополита производилось патриархом, в то время как акт интронизации совершался в Киеве в присутствии и с согласия двора киевского князя. Интронизация митрополита в Киеве являлась одновременно, как думает автор, и актом политическим, означавшим, что Киевский князь принимает аккредитованного при его дворе митрополита также и в качестве специального представителя империи. Первым действительно засвидетельствованным достойным доверия письменными источниками киевским митрополитом был Феофилакт, вторым следует считать Иоанна (очевидно, того самого архиепископа, который встречал в 1013 г. в Киеве Святополка и Болеслава Храброго). Феопемпт, свидетельство о котором уже абсолютно бесспорно, был третьим в этом ряду ⁴.

Но если в главном своем выводе (в отнесении акта основания Киевской митрополии еще к концу X в.) А. Поппе в основном развивает и уточняет взгляды, уже принятые в советской литературе ⁵, то в оценке роли и характера так называемой Десятинной богородичной церкви его заключения представляются существенно новыми. Опираясь на сообщение Титмара Мерзебургского о сгоревшем в 1017 г. и восстановленном в 1018 г. монастыре св. Софии в Киеве, которое польский историк сопоставляет с показаниями Илариона о том, что Ярослав завершил дело Владимира, соорудив храм св. Софии в Киеве (стр. 41—44), автор приходит к выводу, что в Киеве уже при Владимире существовало два храма, игравших существенно различную роль в развитии церковной организации на Руси ⁶. Богородичная Десятинная церковь была, по его мнению, личным, семейным великокняжеским храмом. Поэтому в ней были похоронены князь Владимир и его жена порфирородная Анна. Деревянная София (в отличие от каменной Десятинной) являлась центром митрополии. В пользу того, что такое разделение функций между двумя этими храмами было изначальным, свидетельствует, по мнению А. Поппе, сообщение II и III новгородских летописей о дубовой кафедре св. Софии в Новгороде, построенной в 989 г. (автор относит ее строительство к началу 90-х годов X в. — стр. 44—45).

Этот частный, казалось бы, вопрос имеет чрезвычайно важное значение для всего дальнейшего хода рассуждений польского исследователя о характере церковной политики Ярослава, которого он склонен рассматривать как прямого продолжателя политики князя Владимира в отношении Византии и константинопольской патриархии. Подтверждение и уточнение им мнения некоторых русских исследователей о деревянной предшественнице Ярославовой каменной Софии в Киеве ⁷ представляется поэтому вполне логичным со стороны А. Поппе. В то же время показания источников о пожаре в 1017 г., уничтожившем Софию, и о быстром ее восстановлении в 1018 г. не позволяют автору принять гипотезу Д. В. Айналова ⁸ о начале строительства каменной Софии

⁴ В настоящей рецензии нет необходимости касаться обстоятельств крещения Руси при Владимире и его похода на Корсунь в том виде, в каком они изложены в рассматриваемой книге. Уже после ее выхода автор предложил новую трактовку корсуньского похода князя Владимира, выступив со специальным докладом на эту тему на советско-польском симпозиуме, посвященном проблемам раннеславянской государственности. Симпозиум происходил в Киеве 25—27 июня 1969 г. Материалы его будут опубликованы.

⁵ См. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

⁶ Сообщение I Новгородской летописи под 1017 г. об основании Ярославом Софии («И заложена бисть святая София Киеве») он толкует как свидетельство не основания позднейшего каменного храма, а восстановления деревянного (стр. 43).

⁷ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 132—140; П. Г. Лебединцев. О Софии Киевской. — «Труды III Археологического съезда в России», т. I. Киев. 1878.

⁸ В. Д. Айналов. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. — «Сб. в память св. равноапостольского князя Владимира», вып. 1. Пг., 1917.

при Владимире (стр. 44). Тем самым, однако, как нам думается, исследователь оказывается в сложной и противоречивой ситуации. С одной стороны, каменная Десятинная церковь, судя по ее остаткам, была в действительности очень монументальным сооружением. С другой — величие ее как-то очень плохо вяжется с нашими представлениями о размерах уютных семейных княжеских храмов. Монументальность каменного семейного храма (если встать на точку зрения А. Поппе) в сравнении с деревянной церковью могла разве только подчеркивать крайне незначительное, даже униженное положение митрополита при великокняжеском дворе. Лишь основание действительно грандиозного митрополичьего храма могло бы в какой-то мере исправить это впечатление. Между тем именно этого и не произошло, как полагает А. Поппе, при князе Владимире. Таким образом, его исследование ни в коей мере не разрешает отмеченных сомнений и заставляет признать весь комплекс проблем, связанных с Десятинной церковью и началом св. Софии, по меньшей мере открытым вопросом нашей историографии. Заканчивая разбор сведений источников о Десятинной церкви, автор, на наш взгляд, довольно убедительно показывает, что анализ их не дает пока оснований трактовать посвященный Богородице храм князя Владимира как Успенскую церковь и вести от нее традицию широкого распространения на Руси Успенских соборов (стр. 49—50).

Разбор проблематики, связанной с Десятинной церковью, составляет первую часть второй главы исследования А. Поппе. Другая часть главы посвящена определению времени сооружения каменной Софии в Киеве (которое автор достаточно убедительно относит к 1044—1046 гг., включая и художественную отделку интерьера, — стр. 51—59), а также анализу символики и идейного содержания вотивной фрески основателя Софии князя Ярослава (стр. 60—61). Автор приходит при этом к справедливому выводу, что идейное содержание фрески, изображающей великокняжескую семью, не дает оснований ни для «тезиса о вассальной зависимости или идеальной иерархической подчиненности русского правителя византийскому императору, ни для точки зрения, усматривающей в содержании фрески указание на независимую от Византии традицию христианства на Руси» (стр. 66). Попутно следует, пожалуй, отметить серьезные возражения А. Поппе против попыток усмотреть в первоначальной композиции фрески фигуры предшественников—посредников Ярослава, князя Владимира и княгини Ольги (стр. 63—64). Добавим, что такому содержанию фрески едва ли мог соответствовать достаточно сложный и противоречивый путь к власти Ярослава Мудрого, который в начале этого пути поднял бунт против отца, чуть было не кончившийся кровавым столкновением. В 40-х годах XI в. об этом еще, конечно, хорошо помнили на Руси.

Переходим к третьей, самой большой, несомненно, — центральной, по замыслу автора, главе книги. Она называется «Византийская политика Ярослава Мудрого».

Главной смысловой осью этой интересной главы является мысль о преемственности церковной и византийской политики Ярослава, которого автор склонен рассматривать как последовательного континуатора дела князя Владимира. Поэтому в центре его внимания оказывается в сущности побочный для отраженной в названии книги темы русско-византийский конфликт 1043—1046 гг. При этом делается попытка отделить русско-византийский конфликт от вопроса о самостоятельном, без согласия константинопольской патриархии, поставлении в 1051 г. Ярославом в русские митрополиты Илариона. Проблема, связанной с посвящением Илариона, автор отводит особую, четвертую главу (стр. 131—151).

Отвергнув гипотезу М. Д. Приселкова, видевшего причину конфликта в попытках Киева освободиться от церковно-политической гегемонии Византии⁹, и не согласившись с тем оттенком, который придавал замечанию Пселла о ненависти Руси к «игемонии ромеев» И. У. Будовиц¹⁰, автор вместе с тем и решительно расходится с той точкой зрения, которая усматривает причину конфликта в экономических отношениях Руси и Византии (стр. 71—76). Он совершенно не согласен с предположениями, что причиной вспыхнувшего в 1043 г. конфликта могли быть перемены в политике Византии по отношению к русским после воцарения Константина IX (июнь 1042 г.), отразившиеся на положении и многочисленной русской купеческо-дружинной колонии в Константинополе¹¹. По мнению А. Поппе, ключ к разгадке причин конфликта следует искать в событиях, связанных с восстанием против Константина Мономаха талантливого полководца Георгия Маниака (стр. 76).

Предполагаемая автором связь вооруженного выступления Руси против Константинополя в 1043 г. с подготовкой похода Георгия Маниака из Южной Италии на столицу действительно представляется достаточно интересной, хотя и смелой гипотезой. С нею, безусловно, должны будут считаться все последующие исследователи русско-византийского конфликта 1043—1046 гг. Наиболее слабым звеном в этой гипотезе являются предполагаемые А. Поппе контакты Маниака с киевским двором через Гаральда Гардрада,

⁹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 88—92.

¹⁰ И. У. Будовиц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, стр. 59—74.

¹¹ Г. Г. Литаврин. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. — ВВ, XXVII. 1967, стр. 71—86.

будущего зятя Ярослава, в 30-х — начале 40-х годов находившегося в Византии (стр. 90—98), поскольку основанием для этих выводов послужили ему сведения столь специфического литературного памятника, как сага. Восстановление такой последовательности конкретных политических событий и их связи между собой на базе столь малодостоверного источника, естественно, всегда приходится считать слишком рискованным. Косвенным подтверждением трактовки похода 1043 г. как вспомогательной экспедиции в поддержку Маниака может служить размер потребованной русским флотом оплаты за прекращение военных действий (ровно 400 тысяч номисм на 20 тысяч воинов). Эта сумма приблизительно соответствовала размеру обычного вознаграждения за военную службу и была разорительной для византийской казны (стр. 112—119). Она, вероятно, могла быть приблизительно равна той сумме вознаграждения за поход, которую мог заплатить Маниак в случае удачи мятежа (стр. 112).

Далее в главе разбираются военные действия русского и византийского флотов, подробно характеризуется договор 1046 г. Заканчивая обзор этой главы книги, нельзя не отметить все же, что даже при условии полного согласия с трактовкой А. Поппе обстоятельств русской экспедиции на Константинополь в 1043 г. его гипотеза о союзе Ярослава с Маниаком не позволяет считать вопрос о причинах русско-византийского конфликта 1043—1046 гг. окончательно решенным. В лучшем случае союз с восставшим византийским полководцем объясняет условия, благоприятствовавшие военной акции Ярослава, позволяет понять, почему русским князем был выбран для похода именно 1043 г. Трудно предположить, что активность Ярослава была вызвана стремлением утвердить в Константинополе императора — русского ставленника. Этого, очевидно, не хочет сказать и автор рецензируемой книги. Следовательно, для суждений о причинах русско-византийских столкновений у историков по-прежнему остаются данные о торговом конфликте и соображения об антирусской направленности политики Константина Мономаха в начале его правления, неясные, но требующие анализа указания Пселла относительно «игемонии».

В отличие от других глав книги третья глава очень перегружена дополнительным материалом. В ней имеется большой, не представляющий самостоятельной исследовательской значимости экскурс в византийские финансы, много мелких замечаний (не всегда последовательных) источниковедческого порядка, не относящиеся к сюжету книги заметки о западной политике Руси и т. д. Свидетельствуя о большой начитанности и прекрасной эрудиции автора и о его научной смелости, они, однако, все же мешают читателю следить за основным, достаточно сложным ходом мысли автора. Как уже говорилось, обособленное изучение дела Илариона от анализа русско-византийского конфликта 40-х годов XI в. подчеркнуто автором и структурно. А. Поппе при рассмотрении этого вопроса исходит из двух важных соображений: во-первых, он не признает возможным, чтобы в течение долгого времени митрополичья кафедра в Киеве оставалась вакантной, и полагает, что и после 1039 г. в Киеве был митрополитом Феопемпт или кто-либо другой и только незадолго до 1051 г. киевская кафедра освободилась; во-вторых, он решительно возражает против того, чтобы связывать самовластное назначение Ярославом Илариона митрополитом Киевским с русско-византийским конфликтом 1043—1046 гг. или трактовать его как попытку освободиться от церковной зависимости от Византии. По его мнению, последнее предположение автоматически приводит к признанию «не только церковной, но и политической зависимости Руси от Византии» (стр. 134). Последнее замечание, как кажется, определению утрирует вопрос, ибо речь ведь может идти при анализе действительного соотношения сил на международной арене не о реальной политической зависимости Руси от Византии, а только об эфемерных, хотя и неприятных, претензиях Византии на формальное верховенство в соответствии с концепцией византийского универсализма. Иными словами, в данном случае предметом спора являются не реальные русско-византийские политические взаимоотношения, а оценка характера государственной идеологии Византийской империи.

Стремясь изолировать вопрос о поставлении Илариона от общего вопроса о развитии русско-византийских отношений, А. Поппе решительно высказывается и против попыток связать этот факт с расхождениями русской и византийской политики в отношении европейских стран и папства¹². Здесь, возможно, не место для подробного рассмотрения этой проблемы по существу. Важнее, быть может, подчеркнуть, что полная изоляция дела Илариона от русско-византийских политических отношений не мо-

¹² Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 80—85. Попутно автор отмечает, что церковный раскол 1054 г. не имел немедленных крупных международных последствий (стр. 135). Нужно сказать, однако, что в отношении Руси в эту в общем верную оценку прямых следствий акта Михаила Кирулария следовало бы все же внести известные коррективы. Конфликт между православием и латинством стал сказываться на русско-польских отношениях уже в 60-х годах XI в., когда киево-печерским манастирям являлся бес «в образе ляха» (ПСРЛ, т. I. М., 1926, стб. 190), а киевляне угрожали, что в случае вступления в город Болеслава Смелого с ляхами они сожгут Киев и уйдут в «Греческую землю» (там же, стб. 173). Впрочем, и во второй половине XI и в XII в. конфессиональные противоречия не были определяющими в развитии отношений Руси и Польши (см. В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, стр. 232).

жет быть признана убедительной уже только по одному тому соображению, что поставление Илариона лишало Византию ее постоянного дипломатического представителя в Киеве. А это, разумеется, так или иначе было актом политическим.

Ненормальность поставления митрополита без согласия Константинополя настолько очевидна автору книги, что он называет его «исключительным событием» (стр. 133). Именно стремлением объяснить его исключительность определяется следующий далее анализ правовой основы посвящения Илариона русскими епископами в митрополиты самостоятельно, минуя патриарха. По мнению А. Поппе, этот акт был свидетельством обращения русского клира к церковной практике, существовавшей до Халкидонского собора 451 г. и еще применявшейся в VI и даже IX в. и объяснялся оппозицией русского духовенства автократической политике Кирулария (стр. 138—139) и влиянием на русское духовенство реформаторских течений, развивавшихся на Афоне. А. Поппе предполагает даже, что сам Иларион некоторое время находился в русском афонском монастыре (стр. 142). Таким образом, поставление митрополита Илариона в 1051 г. оказывается даже не актом княжеской власти, а результатом общевизантийских реформаторских течений, требовавших исправления церкви и нашедших благоприятную среду на Руси. Князь только оказывал поддержку этим течениям, вполне согласующимся с его высоким представлением о характере и объеме собственной власти (стр. 142—144).

Ярко обрисованная А. Поппе картина идейного развития русского духовенства в середине и во второй половине XI в., несомненно, интересна. В ней много новых наблюдений и мыслей. Она позволяет, может быть, лучше понять общую обстановку в русской церкви во время поставления Илариона в 1051 г. Но она, к сожалению, не в состоянии объяснить, каким образом в сознании Ярослава уживалась постулируемая автором лояльность к Византии с посвящением Илариона. Ярослав, разумеется, мог и не разбираться во всех тонкостях канонического права (хотя его летописная характеристика и не дает оснований для таких выводов), он мог прислушиваться (и, конечно, делал это) к мнениям русского духовенства, но, как опытный политик и дипломат, он не мог не понимать политического аспекта поставления Илариона. Авторская оценка этой акции как сугубо церковного мероприятия оставляет поэтому читателя в недоумении.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление оставляет глава пятая рецензируемой книги, посвященная формированию епархиальной структуры древнерусской церкви. Автор последовательно рассматривает источники, характеризующие образование епископских епархий в Белгороде, Новгороде, Чернигове, Переяславе, Полоцке, Владимире Волынском, Ростове Великом, Турове, Юрьеве. Отдельно анализируется вопрос об автокефальном архиепископстве в Тмутаракани. Очень интересно и убедительно аргументируется точка зрения, признающая в эпоху совместного правления Ярославичей существование трех митрополий на Руси — Киевской и двух титулярных — Переяславской и Черниговской (стр. 166—170).

Книга завершается небольшой (объемом в 30 страниц) главой, в которой освещаются такие важные вопросы, как характер материального обеспечения церкви в момент христианизации Руси, начало церковного землевладения, церковная юрисдикция и судебный иммунитет, рассматриваются проблемы роли княжеской власти в укреплении на Руси позиций христианской церкви, место церкви в политической жизни общества, значение церковного вероучения и влияние его на формирующуюся идеологию класса феодалов, особенно — на характер представлений о существе и объеме княжеской власти.

Все это, разумеется, важные, можно сказать, — центральные, если исходить из названия книги, проблемы исследования. По многим из них автору удалось высказать новые мысли, сделать интересные наблюдения и предложить свежие, удачные формулировки. Особенно интересны соображения автора, характеризующие роль новой религии в формировании государственной идеологии Киевской Руси. К сожалению, однако, сам автор рассматривает эту главу скорее как заключение, чем как самостоятельный большой раздел книги. Об этом свидетельствует и название главы: «Первые сто лет церкви в Древнерусском государстве» и, пожалуй, еще больше — очень лапидарный, иногда почти конспективный, стиль изложения материала. Думается, что при переиздании книги А. Поппе (а переиздание это, конечно, необходимо, так как книга почти мгновенно исчезла с книжного рынка) автору следовало бы существенно расширить и пополнить именно эту часть исследования. То же самое хочется сказать и рекомендуя книгу для перевода на русский язык. Исследование А. Поппе, несмотря на известную фрагментарность изложения, — действительно серьезный и оригинальный труд по истории древнерусской церкви, каких еще очень мало в марксистской историографии. Мимо этого труда не может пройти исследователь, занимающийся историей Древней Руси и ее международных связей.

В. Д. Корольюк